

Лия Красинская

Хайфа, Израиль

ВОСПОМИНАНИЯ О МОЕМ СЫНЕ ГЕОРГИИ ШВЕЙНИКЕ

Моему¹ сыну Гере (Георгию) шел 11-й год, когда он впервые увидел отца. Почему? Человеку XXI столетия трудно себе представить обстановку той поры. Сын родился 28 июня 1936 г., в период расцвета сталинских репрессий. Людей хватало без всякого повода, по любому доносу, подозрению и без следствия и суда, по решению так называемых «троек», отправляли в тюрьмы, концлагеря и даже на тот свет.

Гере было шесть месяцев, когда его отец² — педагог Хабаровского музыкально-театрального техникума (так назывались училища) был арестован по подозрению (!) в шпионаже и получил пять лет концлагеря. Но эти пять лет растянулись надолго. Срок заключения окончился в декабре 1941 г., но тогда СССР был уже втянут во Вторую мировую войну. Политических заключенных задержали до конца войны, а освободили в 1946—1947 гг. с рядом ограничений. В частности, они не имели права жить в крупных городах. Я с сыном жила с 1945 г. в Риге — тогда столице Латвийской Советской Республики. Тогда и произошла первая встреча Геры с отцом, о существовании которого он и не знал.

Жить в Риге отец не имел права. Он поселился в городе Елгаве, примерно в часе езды от Риги, и навещал нас, но не жил с нами. Однако его пребывание в Елгаве было недолгим. Как и других бывших политических заключенных, уже в 1949 г. моего мужа отправили в ссылку в город Енисейск Красноярского края. Оттуда он вернулся после смерти Сталина, в 1954 г. Через некоторое время был реабилитирован. Но именно в 1954 г. Гера уехал из Риги учиться. Подробнее об этом будет рассказано. Но подлинная встреча Геры с отцом произошла еще через несколько лет, и тогда у них началась мужская дружба. Хотя мы с мужем к тому времени развелись, но остались друзьями.

Так или иначе, детство, отрочество и ранняя юность прошли у Геры без отца. Возможно, если бы отец был рядом, жизнь Геры сложилась бы по-другому... Гера с детства мечтал о геологии. Он мог бы заняться любой современной наукой, так как был очень одаренным человеком. Если бы его кто-то заинтересовал новыми направлениями науки, он мог бы увлечься какой-нибудь из них. Но я, всю жизнь занимавшаяся музыкой, не знала этих новых наук и решила: геология — так геология.

Уже в раннем детстве у Геры проявились многогранные способности. Он легко овладел чтением и письмом, хорошо рисовал, был очень музыкальным. Помню, как он в пятилетнем возрасте вырезал из бумаги мачтовый корабль без предварительного рисунка.

У меня долго хранились первые тетради сына. Когда ему исполнилось семь лет, я начала заниматься с ним в свободное время школьными предметами. Это

было в разгар войны, в 1943 г. Тетради, да и вообще бумага, стали острым дефицитом. Тетради раздавались по школам, а чистая бумага была нередко оборотной стороной географических карт. Из контурных карт я нарезала небольшие листочки размером в четверть обычного листа, сшивала их нитками, а обложки делала из обложек старых исписанных тетрадей. В «тетрадах» по арифметике были примеры на сложение и вычитание двузначных чисел, в том числе и довольно сложные, например: $47+35$ и т.п. — в пределах ста. Он налету схватывал все, что я ему объясняла, и охотно занимался со мной. В 1943 г. у нас тогда принимали в первый класс восьмилеток, а Гере было только семь. Зато в 1944 г. начали принимать семилеток, а Гере исполнилось в июне восемь. И его подготовка позволила ему поступить сразу во второй класс. Учился он в школе легко, быстро успевая подготовить уроки, и получал хорошие и отличные оценки. В числе любимых предметов была история, и в старших классах он брал в библиотеке учебники для вузов и по этим учебникам готовился к школьным экзаменам. Ему с одинаковой легкостью давались все школьные предметы, но с самого детства у него была одна заветная мечта — геология.

У многих моих друзей и знакомых нередко возникал вопрос: почему я, безмерно любившая музыку и посвятившая ей всю свою жизнь, не направила его в мир музыки? Музыку он всегда воспринимал очень остро и чутко. Бывало, в зрелые годы он стеснялся ходить на концерты, потому что у него часто появлялись на глазах слезы и он не хотел, чтобы это видели соседи по залу. Слух и музыкальная память были у него великолепные. Но не повезло с педагогом.

Контакт учителя с учеником нужен всегда, а особенно он необходим при занятиях музыкой. Такие контакты были у Геры с его первым учителем по скрипке, когда он начал заниматься в музыкальной школе в Твери в 1943/44 учебном году. Он охотно ходил на уроки, занимался дома, и все шло гладко. Но мой извилистый жизненный путь привел меня в марте 1945 г. в Ригу (где я родилась), куда меня вызвали на работу в консерваторию. В Риге в то время была консерватория и музыкальные школы, в том числе и десятилетка при консерватории, куда и был принят Гера в класс скрипки. Прочился он там около года, но не было контакта с педагогом, и ему не хотелось брать в руки инструмент. Когда он играл на ученических вечерах, то получал, как правило, отличные оценки и говорил, что «отлично» ему поставили потому, что он мой сын. Учился он, как говорят, «из-под палки», но это фигурально, так как я страшный противник физического воздействия. Какое-то время мне удавалось удерживать Геру от прекращения обучения. Но когда он начинал играть дома, из глаз у него катились слезы и он говорил: «Хоть бы сгорели все скрипки на свете!» Это было уже слишком — Гера мог возненавидеть царицу моей души — музыку. И мы прекратили занятия.

Школу он окончил в 1953 г., не получив золотой медали из-за какой-то четверки, затесавшейся среди остальных «отлично».

В Риге к тому времени был закрыт «по ненадобности» геологический факультет университета, но Гера рвался в геологию. Пришлось думать об отъезде. Куда?

В Москве жили многие мои родственники. Москва манила большим выбором высших учебных заведений с геологическим уклоном. Туда Гера и направился.

Каждому зрелому человеку было ясно, что в МГУ не стоит совать носа: отец еще в ссылке, да и национальность неподходящая... И хотя Сталин к тому времени уже умер, еще была жива легенда о врачах — «убийцах в белых халатах». Не многие в наши дни помнят об этом отвратительном эпизоде сталинских репрессий.

В 1948 г. в стране начался «крестовый поход» против «безродных космополитов», как стали называть евреев. Бессмертный и вездесущий антисемитизм, всегда глевший в стране, где пропагандировалась «дружба народов», вспыхнул открыто, поощряемый самыми высокими государственными органами. В государстве, где все без исключения находилось под контролем одной-единственной партии коммунистов-большевиков, внешне царило единомыслие. Все газеты, все средства массовой информации, от центральных московских до районных и даже стенгазет, пестрели статьями об антинародных безродных космополитах. Начались аресты еврейских писателей и поэтов, многие были расстреляны. В высших учебных заведениях царил негласная «процентная норма».

Пиком этой разнузданной травли стал печально известное дело врачей — «убийц в белых халатах». Среди лучших врачей, лечивших Сталина, были в основном евреи. Сталину не становилось лучше, и тогда возникла легенда о врачах-евреях, будто бы стремившихся умертвить Сталина. Врачи были арестованы, и над всеми ними нависла угроза расстрела. Но на этот раз получилось по-другому: Сталин умер, и фальшивка была разоблачена, а все врачи — оправданы. Но антисемитские настроения еще долго давали (и дают) о себе знать. Особенно это касалось столичных престижных вузов, в первую очередь МГУ.

К сожалению, я не понимала, как опасно отправлять 17-летнего юношу, привыкшего к большой самостоятельности, одного в Москву в такой сложной обстановке. Он имел некоторое представление об этой обстановке, и я советовала ему найти какой-либо другой институт с геологическим уклоном. Но Гера был настроен по-боевому и рискнул — подал документы в МГУ и был допущен к вступительным экзаменам, но уже с некоторой оглядкой. Перед экзаменами с ним провели беседу, в которой был затронут вопрос об отце.

Гера всегда говорил только правду, и, когда ему был задан вопрос «где отец?», он ответил, что отец в ссылке. «А за что?» — спросили у него. — «Да ни за что», — ответил он. Можно себе представить, какое впечатление произвел этот ответ, тем более что отец еще не вернулся. Тем не менее Геру допустили к экзаменам, но не на рудные месторождения, о чем он мечтал, а на пластовые. Однако с его подмоченной из-за отца репутацией он не был особо желателен для МГУ. Наверное, в его документах был где-нибудь условный знак о нежелательности его принятия в МГУ.

Гера звонил мне после каждого экзамена и рассказывал о результатах. Оценки были хорошие и отличные. И вот тут-то и спохватились те, «кому надо», и на последнем экзамене (физика) его даже не завалили, а поставили ему оценку «три». Из-за этого снизилось общее количество баллов и он не прошел по конкурсу. Однако у него был документ из МГУ, подтверждавший, что он сдал все экзамены. Имея такую справку, Гера мог поступить без экзаменов в любой вуз, где было вакантное место.

Итак, Гера вернулся в Ригу со справкой о сданных в МГУ вступительных экзаменах на геологический факультет. Сидеть без дела он уже тогда не умел, рвался к занятиям. Помню, как мы с ним писали во все вузы, имевшие геологические факультеты, в поисках вакантного места. Так, мол, и так: сдавая экзамены в МГУ, не прошел по конкурсу. Положительные ответы получили из Новочеркасска и Баку.

Гера поехал в Новочеркасск, где был принят на маркшейдерское отделение. Весной он сдал на «отлично» экзамены маркшейдерского отделения и еще два экзамена, очень трудоемких, по геологии. Летом поехал на практику не с марк-

шейдерами, а с геологами, надеясь, что его осенью переведут на геологический факультет. Геру не только не перевели, но у него возникли неприятности из-за нарушения дисциплины, и он должен был покинуть Новочеркасский политехнический институт. Не знаю точно, как он попал в Томск, и узнать теперь не у кого. В Томске он поручился 1955/56 учебный год и первый семестр 1956/57-го. Говоря его же словами, «залетел в Томск, а оттуда через полтора года залетел в лагерь».

Сохранилась кассета — интервью московского журналиста Владимира Устенко с Герой, переданное по Всесоюзному радио. Об эпизоде в Томске Гера рассказывает: «16 декабря 1956 г. комитет комсомола проводил диспут о месте комсомола в жизни. Я сказал, что комсомол никуда не годится в том виде, каков он сейчас, и вообще все никуда не годится, каково оно сейчас, и все это надо перестраивать. Диспут наш проходил в зале Томской областной филармонии, а напротив через улицу, в зале офицеров, проходила областная партийная конференция. Там то ли услышали, то ли туда позвонили, но во всяком случае после перерыва к нам оттуда пришли первый секретарь Томского горкома, завотделом по борьбе с молодежью (именно так он сказал не “по работе с молодежью”, а по “борьбе с молодежью”. — Л. К.) товарищ Анциферова — то, что я запомнил, еще человека два-три. Они ввели наш диспут в правильное русло». Журналист: «Ввели в правильное русло, а вас вывели?» Гера: «Нет, тогда еще не вывели. Две недели еще меня исключали из комсомола, все никак исключить не могли — ребята не давали. Но Новый год я уже встречал в томском центре». Журналист: «Это была у вас статья 58, а пункт?» — «Пункт 10 — контрреволюционная агитация и пропаганда, направленная на срыв основных...» — тут его прерывает журналист: «Вот чего! Гера, а сколько вам это стоило?» — «Пять лет».

А теперь расскажу, как запомнила эти дни я. Начну с того, что в Томске тогда жил сын моего брата — Шурик, на два года старше Геры. Он окончил Томский университет, математический факультет, и был оставлен ассистентом при университете.

Числа 20—23 декабря мне звонит Шурик и говорит, что у Геры крупные неприятности, что его исключили из комсомола. Я заволновалась, но числа 27—28-го получила от Геры телеграмму с новогодним поздравлением. Я успокоилась. Только после его ареста я внимательно вчиталась в телеграмму и увидела там слова: «Вручить 31-го». Какой же он был внимательный! В те дни, когда он уже знал, что его ждет, он хотел заверить меня, что все благополучно. Как эта телеграмма характеризовала его, ему же было только 20 лет!

Новый год я встречала в компании моих студентов, ни о чем не подозревая. На следующий день позвонил Шурик и сказал, что Геру арестовали.

В это время в Риге уже жил его отец. Он со мной полетел в Томск, чтобы там попытаться что-то сделать. Конечно, сделать мы ничего не могли, но отцу Геры сказали, что времена уже не те, что были при его аресте (37-й год), чтобы он не беспокоился по поводу хода следствия.

Мы нашли в Москве адвоката, который согласился принять участие в деле Геры, хотя и понимал всю безнадежность этой затеи. Адвокат, естественно, присутствовал на суде и рассказывал мне потом, что Гера был абсолютно спокоен. Когда адвокат зашел к нему, чтобы рассказать о приговоре, Гера стоял на голове.

Гере присудили пять лет концлагеря в поселке Чуна близ Тайшета. Условия лагерной жизни по сравнению с 37-м годом были «курортные». В четырехместной камере жили трое заключенных. Было просторно — можно и поговорить, и

книжки почитать. А поговорить было с кем. По словам Геры, там сидели «самые честные из умных и самые умные из честных». В лагере он получил шоферские права, квалификацию столяра-плотника. Но работал и на лесоповале.

По сравнению с 37-м годом были сказочные условия для свиданий. Помню свое свидание с мужем весной 1937 г. Оно проходило в маленькой комнате, метров 12—15, разделенной двумя металлическими сетками, по одну сторону — заключенные, по другую — посетители. Говорят все вместе, услышать можно, только если кричат. Продолжительность свидания — около 30 минут. Это одно из самых тяжелых моих воспоминаний.

А с Герой мне дали свидание на целую неделю уже в начале 1958 г. Меня поселили в комнате маленького дома, и после работы Гера приходил туда, где мы были вместе до следующего утра. И так целую неделю! А летом 1958 г. он получил право на вольное поселение, жил в отдельном домике, но должен был являться на переключку и ходить на работу. В то лето я провела с ним в этом домике целый месяц.

Годы его заключения были лучшими годами в ГУЛАГе. Уже в 60-е гг. положение изменилось. По словам Геры, в 60-е можно было за словесный ответ надзирателю, спровоцировавшему этот ответ, получить «вышку».

Понимая бессмысленность моих попыток, я все же без конца писала жалобы — от Томской прокуратуры до Верховного суда СССР. И все же случилось маленькое чудо. Верховный суд пересмотрел дело и сократил срок до трех лет. А просидел Гера к тому времени уже три с половиной. Летом 60-го он вернулся.

С тех пор прошло около 50 лет, и многие детали не сохранились в моей памяти. Знаю только, что через некоторое время он поступил на заочное отделение в Ленинградский горный институт, который окончил в 1967 г. Имея диплом геолога, работал в Институте морской геологии и в геологическом управлении, но стремился работать в рудной геологии. С его сломанной биографией он не мог рассчитывать на серьезную работу в геологии. Он несколько лет ездил в Магадан, работая в старательских артелях на золотых приисках. Но и там у него нередко возникали конфликты с местным начальством.

В упомянутом выше интервью Гера рассказывает о своей последней поездке в старательскую артель. Ему предложили работать горным мастером на одном из приисков, и он согласился при условии, что получит все необходимое оборудование. Он пригласил людей, они съехались, но оборудование так и не получили и работать было не с чем, и вместо заработка они «вылетели в трубу». Больше он в старательских артелях не работал. Это было в 76-м году.

За эти старательские годы у Геры постепенно появилась новая профессия — переводчик. Как-то раз, уезжая на Колыму, он взял с собой английскую книгу — хотел проверить, насколько он помнит язык, которым занимался только в школе и потом в вузе. Собирался потихоньку читать в свободное время. Оказалось, что язык Гера помнит гораздо лучше, чем думал. Книгу он прочитал по дороге в самолете всю целиком. Она ему понравилась, и он решил попробовать переводить. Это была диалогия английской писательницы, писавшей под псевдонимом Мэри Рено, — «Бык из моря». Книгу ему дала добрая знакомая, работавшая в корректорском отделе издательства «Наука»³. Гера рассказывает в своем интервью, что она спрашивает, почему он не пишет. А он отвечает, что писать собственно не о чем, — жизнь в старательской артели однообразная, но он переводит интересную книгу и может присылать ей уже переведенные страницы. С этого началось.

Гера посылал по два-три листочка, а одна из машинисток их печатала, и ей было так интересно, что она с нетерпением ждала следующих. Так возник его первый перевод. Он объединил обе книги в одну и назвал по имени главного героя — «Тезей». Книга очень увлекательная и интересная. Перевод был настолько талантлив, что Владимир Устенко — сам переводчик — называет Геру автором этой книги.

Перевод — дело творческое, и он захлестнул Геру. Кроме «Тезея», к числу его первых переводов относятся книги «Бегство от свободы» Эриха Фромма и «Агрессия» Конрада Лоренца. Эти книги Гера нашел у друзей и тогда совершенно не думал об их публикации, так как в СССР они были отнесены к так называемой лженауке и не издавались. Такой «лженаукой» была этология — наука о поведении животных.

Автор книги «Агрессия» К. Лоренц — крупный ученый-этолог, долгие годы изучал поведение разных животных и доказал, что независимо от вида все животные обладают некоторыми сходными качествами, которые присущи и человеку.

Значительно позднее, уже в эпоху перестройки, названные книги Э. Фромма и К. Лоренца в Герином переводе были изданы в серии «Библиотека зарубежной психологии»: «Бегство от свободы» — в 1990 г., «Агрессия» — в 1994.

Однако переводы не могли обеспечить материальную сторону жизни, и, не имея постоянного места работы, Гера занимался чем попало. Довольно долго он проработал бульдозеристом на строительстве какого-то дома отдыха в Юрмале, был ночным сторожем и дворником. Но он умел увлекаться любой работой, и даже в работе дворника искал какие-то новые методы.

Тем не менее, переводческое дело увлекало Геру все больше. Рассчитывать на публикацию русских книг в Риге было нечего, и Гера начал ездить в Москву, знакомясь с с работой разных издательств и знакомя издательства со своими переводами. Не имея никаких связей, он оказался в числе переводчиков, которых печатали. Беглого взгляда на хронологический список его опубликованных работ (см. приложение) достаточно, чтобы убедиться в том, что уже в начале 90-х гг. его имя мелькает на страницах книг разных московских и петербургских издательств. В одном только 1994 г. напечатаны роман М. Рено «Последняя чаша» (издательство «Северо-Запад», С.-Петербург), роман Г. Гаррисона «К звездам» (издательская фирма «Полярис», Рига), «Пришельцы» К. Смайка («Полярис», Рига), «Агрессия» К. Лоренца (издательство «Прогресс», Москва).

Выезды Геры в Москву становились все более частыми и длительными, и наконец в середине 90-х он переехал в Москву совсем. А пока жизнь шла своим чередом. Стали взрослыми сын и дочь от первого брака, выросли сын и дочь от второго брака. К концу 90-х годов и он сам, и почти все члены его семьи оказались в Москве. Каждый занимался своим делом. Гера переводил и занимался языком с группами взрослых разных специальностей, желавших улучшить свой английский язык. Бывали группы юристов, экономистов, математиков — ведь у каждой профессии своя лексика.

В январе 2003 г. старшая дочь с тремя детьми переехала Израиль. Вслед за ней через полтора месяца уехал и Гера, помощь которого в Израиле была очень существенна. И даже я, оставшись в Риге одна, рискнула переехать на «другую планету». С этого момента я очутилась под одной крышей с Герой и видела, как проходила его жизнь. Он очень много помогал мне как в быту, так и в записи нот новых сочинений, возникших у меня уже в Израиле. Особенно это сказалось с

осени 2004 г., когда, поскользнувшись на коврике в своей комнате, я упала и получила перелом тазобедренного сустава. Гера приезжал ко мне в больницу ежедневно, помогал мне ходить с ходунками и терпеливо записывал аккомпанемент к моему романсу «Русалка» на слова Лермонтова. К приезду домой Гера оборудовал мой быт так, чтобы я могла ложиться в постель и

Мать и сын: Лия Красинская и Георгий Швейник. Хайфа, 17 августа 2005 г.

вставать из нее, чем я пользуюсь до сих пор. Оборудовал в душевой кресло, сидя на котором я могу принимать душ. Гера внимательно следил за тем, чтобы я вовремя приобретала все необходимые лекарства. Много читал мне вслух, писал для меня длиннющие электронные письма и читал письма, адресованные мне. Многократно в течение дня заходил в мою комнату узнать, не нужно ли мне чего-нибудь. И хотя он был, как всегда, немногословен, я постоянно чувствовала себя окруженной его вниманием.

После переезда в Израиль прервались контакты Геры с российскими издательствами, но переводческую деятельность он не прекратил. Стал переводить книги для библиотеки Интернета. Здесь у него снова была полная свобода выбора и независимость от редакторов, с которыми у него нередко возникали конфликты.

Симптоматично, что до конца дней он сохранил симпатию к Мэри Рено, в романах которой чаще всего сюжеты мифологические или из древней истории. А тяга к истории у него была с детства. Так, для библиотеки Интернета он перевел романы «Божественное пламя» о детстве и юности Александра Македонского и решил откорректировать заново «Последнюю чашу», первый перевод которой, уже опубликованный, из-за редакторов ему не нравился, дав новое название «Остатки вина». И последним его переводом перед уходом из жизни стал роман, конечно же, Мэри Рено, «Маска Аполлона» о греческом театре VI в. до н.э. Торопясь закончить его, Гера подолгу просиживал за компьютером, понимая, что силы его на исходе. Когда я как-то спросила у него, зачем он так много работает, ведь у него нет договора с указанием срока окончания работы, он ответил нашей любимой латышской поговоркой: *“Labs darbiņš, kas padarīts”* (т. е. «хороша работа, которая сделана»). И он свою работу сделал. Так он поставил «точку» в своей жизни.

Беда грянула внезапно и устрашающе. Гера принадлежал к числу людей, никогда не болевших. Еще в последние месяцы своей жизни он занимался тяжелой атлетикой. Здоровье его казалось абсолютным. Он продолжал заниматься всеми своими делами, но весной 2005 г. появились, пока легкие, признаки неполадки в

кишечнике. Он не привык за всю свою жизнь обращаться к помощи врачей, и только в сентябре 2005 г. мы с трудом уговорили его обратиться к ним. После первого же визита к гастроэнтерологу он был направлен в больницу на серьезное обследование. На пятый день его выписали с ужасным диагнозом: опухоль в кишечнике. Его тут же направили на операцию, которая подтвердила самое страшное предположение — опухоль была злокачественная. Операция прошла благополучно и, судя по самочувствию Геры, была сделана вовремя. Месяца через два после операции он ходил в спортзал, часами сидел у компьютера, и мы надеялись на благополучный исход. Но наши надежды не оправдались. Началось с того, что летом 2006 г. у Геры появились затруднения в речи. Он еще помогал мне с записью романсов, но когда я попросила его переписать текст одного из них, Гера сказал, что он не может, что у него «нет почерка». В ответ на мой недоумевающий взгляд он сказал, что у него дрожат руки. Новые исследования показали «малюсенькую опухоль в мозге». 4 сентября 2006 г. ему сделали операцию — «малюсенькая опухоль» оказалась метастазом. И снова самочувствие Геры ввело нас в заблуждение. Он еще даже успел съездить на десять дней в Иерусалим. Как я потом поняла, он ездил прощаться с друзьями. В это время у него уже бывали дни мучительных болей в животе, но он никогда не жаловался. Вернувшись из Иерусалима, почти не вставал с постели. Болезнь развивалась стремительно. Его съели два рака — кишечный и мозговой. В ночь с 16 на 17 октября Геры не стало.

Вот и закончено краткое жизнеописание моего сына. Оно далеко не совершенно, но не следует забывать, что я делала это, когда мне было 96 лет.

Даже в самых лучших биографиях очень редко удается показать личность человека, но мне хотелось попробовать.

Гера — личность яркая и неординарная. Одной из типичных его черт была независимость и смелость. Независимость суждений и поведения. Это проявилось уже в Новочеркаске, где он отправился на практику не с маркшейдерами, а с геологами. Характерно, что в Томске к диспуту готовился весь комитет комсомола, но выступил на диспуте именно Гера.

Его отличительные черты — исключительная порядочность и честность. Невозможно даже представить себе Геру, старающегося чего-то добиться с помощью лести или другого вида подхалимства. Поражали его трудолюбие и увлеченность всем, что он делал. Отношение его к людям было очень внимательным. Он всегда был готов помочь, если это было в его силах. Конечно, он был очень талантливым человеком, но сломал всю свою жизнь участием в студенческом диспуте.

Были у него и недостатки (у кого их нет!), но они искупались его человечностью, безграничной правдивостью и заботливым отношением к окружающим. Все, кто с ним встречался, попадали под его обаяние.

Пусть же добрая память об этом светлом человеке долго живет в сердцах людей!

ПРИЛОЖЕНИЕ

Хронологический список опубликованных переводов Георгия Швейника (1990—2007)

1990 — Эрих Фромм. «Бегство от свободы». Издательство «Прогресс», Москва.

1991 — Мэри Рено. «Тезей». Политиздат, Москва.

1992 — Мэри Рено. «Тезей». Издательство «Республика», Москва

- 1993 — Мэри Рено. «Тезей». «Северо-Запад», С.-Петербург.
- 1994 — Мэри Рено. «Последняя чаша». Издательство «Северо-Запад», С.-Петербург.
- 1994 — Гарри Гаррисон. «К звездам». Фирма «Полярис», Рига.
- 1994 — Клиффорд Смайк. «Пришельцы». Фирма «Полярис», Рига.
- 1994 — Конрад Лоренц. «Агрессия». Издательство «Прогресс», Москва.
- 1994 — Конрад Лоренц. «Агрессия» (Так называемое «зло»). Издательство «Универс», Москва
- 1995 — «Альфред Хичкок и Три Сыщик». «Тайна говорящего черепа». Коллекция «Совершенно секретно», Москва.
- 1995 — Эрих Фромм. «Бегство от свободы». Издательство «Прогресс», Москва.
- 1997 — Ричард Халл. «Убить нелегко». Коллекция «Совершенно секретно», Москва.
- 1998 — Гарри Гаррисон. «Звезды — последний шанс». Издательство «Эксмо-Пресс», Москва.
- 1998 — Конрад Лоренц. «Оборотная сторона зеркала». Издательство «Республика», Москва.
- 2001 — Гарри Гаррисон. «К звездам». Издательство «Эксмо-Пресс», Москва.
- 2001 — Гарри Гаррисон. «На земле». Издательство «Эксмо-Пресс», Москва.
- 2001 — Гарри Гаррисон. «Халвмерк». Издательство «Эксмо-Пресс», Москва.
- 2001 — Конрад Лоренц. «Агрессия». Издательство «Амфора», С.-Петербург.
- 2002 — Клиффорд Саймак. «Пришельцы». Издательство «Эксмо», Москва.
- 2002 — Пол Теру. «Моя другая жизнь». Издательство «Б.С.Г-Пресс», Москва.
- 2003 — Гарри Гаррисон. «Звезды — последний шанс». Издательство «Эксмо», Москва.
- 2004 — Эрих Фромм. «Бегство от свободы». «Человек для себя». Издательство «АСТ», Москва.
- 2006 — Эрих Фромм. «Бегство от свободы». Издательство «Прогресс», Москва.
- 2006 — Мэри Рено. Александр. Божественное пламя. Издательство «Амфора», С.-Петербург.
- 2006 — Мэри Рено. Тезей. Издательства «Эксмо», «Домино», Москва.
- 2007 — Гарри Гаррисон. «К звездам». Издательство «Эксмо», Москва.
- 2007 — Клиффорд Саймак. «Пришельцы». Издательство «Эксмо», Москва.
- 2007 — Эрих Фромм. «Бегство от свободы». Издательство «Академический проект», Москва.
- 2007 — Гарри Гаррисон. «Звезды — последний шанс». Трилогия: «Дома», «На колесах», «Возвращение». Издательство «Эксмо», Москва.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лия Эммануиловна Красинская (1911—2009) — музыковед. Родилась в Риге. В 1933 г. окончила Латвийскую консерваторию по классу фортепиано (у А. Сокольской) и по классу теории композиции (у Я. Витола). В 1934 г. эмигрировала с мужем в СССР и до 1944 г. преподавала игру на фортепиано и музыкальную литературу в музыкальных училищах Хабаровска, Калинин (ныне Тверь), Чкалова (ныне Оренбург). С 1945 г. преподавала в Латвийской консерватории (с 1948 г. профессор). Заслуженный деятель искусств Латвийской ССР (1961), доктор искусствоведения (1976). Автор книг (11) и статей по вопросам теории и истории музыки, театральных и концертных рецензий, учебников для общеобразовательной школы и музыкальных училищ. С 2003 г. жила в Израиле. — *Ред.*
- ² Имеется в виду Филипп Осипович Швейник (1911—1974) — пианист (концертмейстер), деятель культуры. Родился в Риге, в 20—30-е гг. участвовал в подпольном революционном движении в Латвии. В 1933 г. окончил Латвийскую консерваторию по классу фортепиано. В 1934 г. эмигрировал с женой в СССР. В конце 1934 г. оба были направлены на работу в Хабаровск, где он работал в местном музыкальном техникуме. 25 декабря 1936 г. арестован. 3 июня 1937 г. осужден Особым совещанием НКВД СССР на пять лет исправительно-трудовых лагерей. До 1946 г. отбывал срок в Ухтижмлаге (Коми АССР) на культработе. Вернувшись в Латвию, в 1946—1949 гг. был дирижером музыкального училища в Елгаве. 28 апреля 1949 г. арестован и 31 августа 1949 г. осужден Особым совещанием МГБ СССР на поселение. С 16 октября 1952 г. по 3 сентября 1954 г. в ссылке в Енисейске (Красноярский край). Реабилитирован. Жил в Риге, с 1958 г. был директором Латвийской филармонии. — *Ред.*
- ³ «Наука» — основанное в 1923 г. издательство Российской академии наук (в 1923—1991 гг. Академии наук СССР). — *Ред.*